

⁹ Классика Самарского краеведения. Самара, 2005–2009. Вып. 1–5.

¹⁰ Самарское земство. Опыт практической деятельности (1865–1918). Самара, 2009; Самарская губернская дума (1994–2009). Самара, 2009.

¹¹ Кабытов П.С. П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. Самара, 2006; М., 2007.

¹² Платоновские чтения: материалы Всероссийской конференции молодых историков. Самара, 1995–2010. Вып. 1–16.

*М.И. Роднов**

История российского крестьянства: взгляд Кабытова

Яркая, многогранная творческая личность обычно проявляет себя в самых разных областях деятельности, не ограничивается каким-то одним направлением. Если узкий специалист в науке «подобен флюсу», то одаренному ученому тесно в границах избранного исследовательского дискурса. В полной мере это относится к крупному российскому историку, лидеру самарской (шире – средневолжской) исторической школы Петру Серафимовичу Кабытову.

Во многом благодаря его неутомимой деятельности Самара на рубеже XX–XXI столетий превратилась в крупнейший (наряду с Екатеринбургом) центр изучения отечественной истории к востоку от Москвы. Взлет и падение научных центров зависят от многих факторов, среди которых важнейшее место принадлежит роли личности, наличию лидера, удачно сочетающего качества ученого, организатора и общественно-го деятеля. Если в 1970-е гг. гремела слава Саратова (университета), в 1980-е гг. непререкаемый авторитет был у Казани, то в 1990–2000-е гг. ни один из приволжских городов не сравнится с Самарой по количеству, масштабу, качеству и разнообразию исследований по отечественной истории (я рассматриваю только досоветский период). И значительную роль в этом, а можно сказать решающую – вспомним строчку Высоцкого: «нам вождя не доставало», сыграла исключительно плодотворная деятельность П.С. Кабытова.

Нельзя не поражаться его многообразной и продуктивной работе. Непрерывным потоком выходят различные научные труды¹, он в редколлегии великолепной антологии «Американская русистика»², возглавляет выпуск нескольких (!) обобщающих работ по истории Среднего

* © Роднов М.И., 2011

Поволжья и Самарского края³, с единомышленниками-краеведами возвращает из небытия замечательное наследие самарского краеведения XIX – начала XX вв.⁴, обращается к историко-биографической тематике⁵, в качестве главного редактора возглавляет выпуски журнала «Самарский земский сборник» и т. д. и т. п. Никогда не стоял в стороне Петр Серафимович и от реалий нашей бурной повседневности, во многом усилиями его и его сподвижников старинному русскому городу возвращено подлинное имя – Самара. А еще огромная каждодневная работа в должности первого проректора Самарского государственного университета, и отдельно необходимо отметить выдающуюся роль П.С. Кабытова в подготовке научных кадров не только для Самары, но и для всего Среднего Поволжья и Южного Урала. Целая когорта талантливых историков (Э.Л. Дубман, П.И. Савельев, Н.Ф. Тагирова, всех невозможно перечислить) начинала свой путь при отеческой поддержке Петра Серафимовича. Диссертационный совет, который он возглавляет, давно зарекомендовал себя как требовательный квалифицированный орган, выпускники которого гордо рекомендуются, что защищались в Самаре.

Но как в основе любого здания должен лежать крепкий фундамент, так и у любого историка есть своя, «особая» стезя, на которой он сформировался как личность и профессионал, любовь к которой он несет через тернии к звездам. Для Петра Серафимовича Кабытова таковой является история крестьянства.

Для потомка славного крестьянства Тамбовской губернии⁶ естественным и очевидным стал интерес к истории именно крестьянской среды, еще вчера составлявшей подавляющее большинство населения нашей Отчизны. П.С. Кабытов вошел в большую российскую историографию с циклом исследований о крестьянстве Среднего Поволжья⁷, венцом которых стала докторская диссертация (1983 г.) и уже ставшая библиографической редкостью монография «Аграрные отношения в Поволжье в период империализма» (Издательство Саратовского университета, 1982).

Чтобы лучше понять особенности творческого пути П.С. Кабытова, необходимо вернуться в прошлое. Политическая «оттепель» второй половины 1950-х гг. вызвала бурный интерес к истории российского крестьянства предреволюционного периода. Здесь искали ответы на животрепещущие вопросы о причинах Октябрьской революции, особенностях социальной структуры Российской империи, из которых «проросла» вся последующая советская эпоха. Дискуссии аграрников вызывали всеобщее внимание, десятки диссертаций, монографии и конференции, возникновение профессионального сообщества (Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы) отражали острую актуальность тематики. В эту же пору в русскую литературу пришла целая плеяда писателей-«деревенщиков» (Распутин, Приставкин, Белов, Шукшин и др.),

а «хитами» кинематографа был «Председатель» с Михаилом Ульяновым и многие другие фильмы на сельскую тему. Вышедшее из деревни новое урбанизированное общество искало, спрашивало: почему мы такие, где истоки наших проблем, что унаследовали или потеряли?

Активное изучение крестьянства, сельского мира началось и в регионах, не исключая Среднее Поволжье и Южный Урал, которые веками оставались одной из житниц России, играли важнейшую роль в обеспечении продовольственной безопасности страны. Итогом стало появление в начале 1980-х гг. трех фундаментальных монографий, создавших целостную картину истории аграрного развития края: практически одновременно выходят из печати работы Ю.И. Смыкова (Казань, 1984)⁸, П.С. Кабытова (Куйбышев, 1982) и Х.Ф. Усманова (Уфа, 1981)⁹. Но путь к читателю оказался непрост.

В авторитарном советском государстве чисто научные дискуссии на политически значимую тему (предпосылки Великого Октября) не могли остаться в рамках академических споров. Исследования московского историка А.М. Анфимова¹⁰ доказывали незрелость этих самых таинственных предпосылок, убедительных фактов безоговорочного торжества капиталистических отношений в крестьянской России начала XX в. никак не находилось, что в итоге означало «подкоп» под краеугольные камни официальной теории, основанной на трудах В.И. Ленина, обозвавшего сирого российского мужичка мелким буржуем. А ежели капитализма не было в крестьянской стране, откуда же социализму взяться, и социализм ли вообще построили? Без последствий в СССР подобные взгляды остаться не могли.

Поводом для расправы над группой историков, придерживавшихся подобных взглядов (за ними утвердился наименование «новое направление»), стала конференция о многоукладности в Екатеринбурге в 1972 г.¹¹ Высшие партийные инстанции перешли к оргвыводам, удар обрушился на группу талантливых ученых (П.В. Волобуев, К.Н. Тарновский, М.Я. Гефтер и др.)¹². Ожесточенные споры о драматических событиях тех времен продолжают до сих пор¹³. Чтобы выжить как исследователю, остаться в исторической науке, А.М. Анфимову, на чьих трудах по аграрному строю России во многом базировались выводы «нового направления», пришлось публично покаяться, признать победу капитализма в сельском хозяйстве¹⁴. «Точка зрения о полной готовности России для перехода к социализму стала аксиоматичной и монополярной». Потом Андрей Матвеевич осудит отступничество, «прежде всего в собственных глазах»¹⁵.

Таким образом, в аграрно-исторической науке СССР 1970–1980-х гг. безоговорочно доминировала концепция академика И.Д. Ковальченко о торжестве капиталистических отношений в крестьянском и помещицком хозяйстве¹⁶, для обоснования которой широко использовались но-

вые математические методы¹⁷. Историки всей страны сели за изучение программирования, хотя большинство компьютеров тогда в глаза не видели, а математические методы стали общеобязательными как «отче наш»¹⁸.

Современному читателю нужно пояснить, что в те времена и в исторической науке существовала жесточайшая вертикаль власти. Слово московского авторитета было незыблемой истиной, в провинции только «брали под козырек». Победа школы И.Д. Ковальченко прямо повлияла на ситуацию в регионах. В 1970–1980-е гг. существенно сократились исследования по центральным русским губерниям, где до 1917 г. доминировала община и разыскать капитализм было весьма проблематично. Зато преимущество получили историки-аграрники с окраин, где действительно к началу XX в. реальностью был «американский», фермерский вариант развития. Их данные полностью согласовывались с господствующей концепцией, что привело к активным публикациям по югу России и Сибири.

В аналогичном положении оказались историки Среднего Поволжья и Южного Урала, которым, опираясь на подлинные факты существования предпринимательского (фермерско-кулацкого) хозяйства степной полосы, можно было легко подтвердить «прозорливость» столичных авторов. Но если открыть одновременно вышедшие монографии П.С. Кабытова и Х.Ф. Усманова по типологически сходным регионам, то картина будет совершенно другой. Да, оба автора признают наличие крупного крестьянского хозяйства, но одновременно они говорят об общине, о сложной, противоречивой структуре российской деревни, о неоднозначных прогрессивных и регрессивных процессах в крестьянской среде.

Здесь нужно отметить честность историков. Наши регионы (Самарская и Уфимская губернии) лежали на границе двух социально-экономических зон: традиционная община на севере и многоземельный кулацкий юг. И Кабытов, и Усманов не стали подгонять факты под доминирующую концепцию (для этого требовалось просто переставить местами материал, выдвинув в структуре монографии на первое место зажиточные южные уезды). Они оба следовали только за истиной, историческим источником, архивным и статистическим документом. А глубокое знание первоисточника — лучшее лекарство от «измов». Большую роль сыграла поддержка крупных московских историков: В.Г. Тюкавкина, А.М. Анфимова и др.

Увидевшая свет в такой непростой ситуации главная монография П.С. Кабытова (1982 г.) типологически заметно отличается от стандартов той эпохи и по своей структуре более близка к дореволюционной историографической традиции. В ней отсутствует четкий поиск доказательств зрелости капитализма (предпосылок Великого Октяб-

ря), в книге доминирует описательное повествование (за что автор подвергался критике «за фактологию»). Вообще для творчества П.С. Кабытова характерно дистанцирование от любимой и самой выигрышной тогда темы — крестьянского движения и классовой борьбы в деревне. В монографии 1982 г. вообще ни слова об этом, никаких параллелей с социальными конфликтами в Среднем Поволжье, ничего о деятельности революционного подполья. Если проанализировать язык книги, то заметно минимальное присутствие «идеологических» оборотов — эксплуатация, угнетение и прочих «правильных» терминов. Автор сознательно придерживается спокойного стиля изложения. Обращает внимание слабое цитирование автором трудов В.И. Ленина, хотя у «вождя мирового пролетариата» есть конкретное исследование по Самарской губернии!!!

В главе II («Разложение крестьянства») обязательного для каждого советского историка труда Ильича «Развитие капитализма в России» на втором месте (!) в аргументации Ленина после Таврической губернии идут «Земско-статистические данные по Самарской губернии»¹⁹. А в главе шестой «Классовое расслоение крестьянства» П.С. Кабытов, сделав в начале три дежурные сноски на Ленина, далее вообще не использует «классический» ленинский труд. Ленинские цитаты в главах монографии П.С. Кабытова использованы стандартно: в начале и конце каждого раздела.

При этом работа П.С. Кабытова достаточно современна (в понимании начала XXI в.). Она начинается с анализа демографического положения и природно-географической среды Поволжья. Автор еще не осмеливается говорить о ментальности крестьянства (это станет сюжетом следующих книг²⁰ и будет подробно раскрыто в монографии П.И. Савельева²¹), но в духе традиций В.О. Ключевского и других историков «старой школы» подводит читателя к пониманию, что природная среда и внутренние законы развития человеческой популяции (прирост, миграции и пр.) есть решающие предпосылки исторического развития, умолчав о классовой борьбе. Любопытно, что при районировании Среднего Поволжья автор опирается, кроме земских сборников, также на работу А.И. Скворцова, доселе забытого интереснейшего ученого, чьи труды вызывали жесткую критику пронароднической интеллигенции рубежа XIX—XX вв.²²

Все богатство источников раскрывается перед читателем во второй и третьей главах монографии П.С. Кабытова. Подробный анализ землеводства и землепользования, аренда, помещики, банки, землеустройство и т. д. и т. п. Итоговые статистические данные изящно дополняются конкретными фактами. Обратим внимание на принципиальный момент. Внутри главы нет подраздела о Столыпинской реформе, она показана внутри «фонарика» о землеводении и землепользовании. При всем

понимании значения Столыпинской реформы и роли личности Петра Аркадьевича²³ в работах П.С. Кабытова нет подразделов о политике государства / царизма по крестьянскому / аграрному вопросу. Кабытов-исследователь утверждает: есть объективное развитие событий, процессы порождены законами экономики (демографии, влиянием природных условий и пр.), жизнь все равно возьмет свое. Здесь также сказывалось доскональное знание автором источников — хутора в Среднем Поволжье возникли задолго до Столыпинской реформы, мудрость премьер-министра и заключалось в том, что он узаконил уже существовавшие формы собственности, облегчил, легализовал их оформление.

В третьей и четвертой главах монографии 1982 г. П.С. Кабытов погружился в основу самой крестьянской жизни — сельскохозяйственное производство (земледелие и животноводство). Наверняка автор страдал от ограниченности объема монографии, невозможности подробно рассказать о всем многообразии аграрного производства в Среднем Поволжье, максимально насыщая общегубернские данные конкретикой, живописно рисуя локальную специфику разных мест. Можно лишь догадываться, сколько собранного материала осталось «в столе».

Ключевая в книге третья глава («Зерновое производство»), с одной стороны, содержит богатейшую информацию, но, с другой стороны, выявила уязвимые стороны авторских построений, которые проистекают из масштабов исследования. Выбранные пять губерний (Казанская, Симбирская, Пензенская, Самарская, Саратовская) — это огромный край, сопоставимый с несколькими европейскими государствами. По сути, тут требуется многотомник. П.С. Кабытов в 1982 г. поднял до сих пор актуальную проблему — каковы границы, где пределы сопоставимости регионов? Общероссийские исследования во многом остаются «средней температурой по больнице», но и замыкаться в административных границах губерний / субъектов РФ, чьи рубежи часто складывались искусственно, тоже неверно. Нужны сравнительные работы, но есть ли смысл в сопоставлении Самарской и Смоленской губерний? Необходимо изучать соседние, однотипные регионы — и здесь чрезвычайно важными становятся исследования, так сказать, на среднем уровне, в пределах какой-либо естественной историко-географической общности. Заданный средневольтский масштаб в трудах П.С. Кабытова, Н.Л. Клейн и Ю.И. Смыкова в 1990-е гг. успешно продолжают П.И. Савельев и Н.Ф. Тагирова²⁴.

Однако столь обширный материал ставит проблему источников. Региональные, губернские земско-статистические данные часто несопоставимы по времени, методике, качеству. Историк вынужден искать обобщающие публикации и... сразу попадает в «среднетемпературную больницу». Автор использовал данные Центрального статистического комитета МВД, хотя и сомневался в них, поэтому привлек авторитет

И.Д. Ковальченко и А.М. Анфимова, последний однако подчеркивал, что они отражают лишь «основные тенденции» (стр. 75). И П.С. Кабытов тоже в основном оперирует тенденциями, удельным весом, соотношением. Сейчас можно сказать, что абсолютные цифры ЦСК МВД (например, о площадях посевов) необходимо уточнять по каждой губернии, но тогда подвергнуть критике этот источник, который использовал В.И. Ленин, было немислимо. Замечу, что в собственных изысканиях использовать иные источники (первичные материалы сельскохозяйственных переписей) я стал во многом под влиянием П.С. Кабытова, который сразу направил мое внимание именно на эти данные.

Для мировоззрения П.С. Кабытова, как историка-аграрника, характерна также четко выраженная «рыночность». В советской монографии 1982 г. автор при всякой возможности говорит о хлебной торговле, очень много об агрономической службе (инновациях), торговле скотом, наемном труде, сельскохозяйственных машинах. Когда читаешь эти разделы, за сухой статистикой чувствуется неподдельный интерес автора, он раскрывает перед читателем сочную палитру реальной поволжской деревни – с жатками и сеялками, шумными базарами, гомоном поволжских пристаней. В новых условиях, создавая обобщающие истории Среднего Поволжья, П.С. Кабытов уже открыто будет рисовать эти яркие образы бурного экономического подъема Самары – приволжского Нового Орлеана.

Итоговой и самой неординарной является последняя, шестая глава монографии («Классовое расслоение крестьянства»). Находясь в прокрустовом ложе методологий и небольшого объема, автор привлек интересные региональные источники, данные переписей по Симбирской и Самарской губерниям. Удельный вес сельских предпринимателей в Самарском уезде достигал в 1913 г. 25%, в пяти уездах Саратовской губернии в 1917 г. – 21% от общего числа крестьянских хозяйств (стр. 163, 167). А рядом бедная пензенская и симбирская деревня. Если примерить споры И.Д. Ковальченко и А.М. Анфимова на монографию П.С. Кабытова, то самарский (тогда куйбышевский) историк не принимает ничью сторону. Обширное Среднее Поволжье, не говоря о всей нашей бескрайней стране, настолько сложный, многогранный объект исследования, что применить какой-то единый шаблон просто невозможно. Автор в книге 1982 г. воссоздал противоречивый и яростный мир поволжской деревни, где было все: нищая патриархальная община и успешный кулак-фермер, мощная агрофирма купца-хлеботорговца и упадочная дворянская усадьба.

Монография П.С. Кабытова «Аграрные отношения в Поволжье в период империализма» (Издательство Саратовского университета, 1982) по праву остается в собрании лучших отечественных трудов по аграрной

истории России рубежа XIX–XX вв. Вспоминая свои первые встречи с Петром Серафимовичем в 1987–1988 гг., всего через несколько лет после публикации монографии, я поражаюсь его новаторскому подходу, нестандартным идеям, призыву по-иному посмотреть на аграрную историю России, привлекать новые источники, только через работу с которыми можно добиться результатов. Этот завет Учителя навсегда остался за руководством к действию!

Примечания

¹ Самарская губерния: день за днем... 1901–1905 годы. Хроника событий / сост. А.Н. Завальный, П.С. Кабытов, Ю.Е. Рыбалко. Самара, 2008; и др.

² Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000; и др.

³ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2000; Самарская летопись: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века. Кн. 2. Самара, 1993; и др.

⁴ Классика самарского краеведения: антология. Вып. 5; «Золотое десятилетие» самарского краеведения / сост. Э.Л. Дубман, В.Н. Зудина; под науч. ред. Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. Самара, 2008; и др.

⁵ Балашов Г.В., Дубман Э.Л., Кабытов П.С. Ефрем Игнатьевич Медведев – человек, ученый, педагог. Самара, 2005; А.И. Солженицын и Самара / под науч. ред. П.С. Кабытова. Самара, 2008; и др.

⁶ См.: Кабытов П.С. Судьба-Эпоха: автобиография историка. Самара, 2008.

⁷ Список научных трудов П.С. Кабытова там же: Приложение 1.

⁸ Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма. (Социально-экономическое исследование). М., 1984.

⁹ Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М., 1981.

¹⁰ Анфимов А.М. Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961; Он же. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). М., 1962; Он же. Крупное помещичье хозяйство Европейской России. М., 1969; и др.

¹¹ Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972.

¹² См.: Константин Николаевич Тарновский. Историк и его время. СПб., 2002.

¹³ Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988; Гаврилов Д.В. «Новое направление» в исторической науке и его поклонники. Екатеринбург, 2005; Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008; др.

¹⁴ «Об аграрном строе, как известно, велась многолетняя дискуссия. Одним из ее результатов был отказ от тезиса о повсеместном преобладании полукрепостнических отношений в российской дореволюционной деревне» (Анфимов А.М., Осипова Т.В. Историографические итоги и задачи изучения истории российского крестьянства периода империализма // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев, 1978. С. 5–6).

¹⁵ Анфимов А.М. Неоконченные споры // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. Вып. 2. Ч. 2: Аграрные проблемы (К 130-летию земства в России). М.; Волгоград, 1997. С. 147.

¹⁶ Ковальченко И.Д. О буржуазном характере крестьянского хозяйства Европейской России в конце XIX – начале XX века. (По бюджетным данным среднечерноземных губерний) // История СССР. 1983. № 5; Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. Источники и методы изучения. М., 1982; Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: источники и методы исследования. М., 1988; др.

¹⁷ Под редакцией И.Д. Ковальченко вышел ряд сборников: Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972; Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975; Количественные методы в советской и американской историографии. М., 1983; Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984. «Блеск и нищета» советской клиометрии ярко видны из работы Л.И. Бородкина, аккуратно разложившего всю Россию на крестьянскую и помещичью согласно ленинским идеям, с которыми математика, естественно, выявила «одинаковые типы» (Бородкин Л.И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986. С. 94, 100).

¹⁸ Американская точка зрения: «хотя [российские] авторы верят, что они находятся на острие “современных” (modern) компьютеризованных методологий, фактически они сели на поезд, который покинул станцию “Запад” пару десятков лет назад и затем затерялся, чтобы возникнуть теперь в русских степях» (Бородкин Л.И. Квантитативная история на пороге XXI века: фазовый переход? // Новые информационные ресурсы и технологии в исторических исследованиях и образовании. М., 2000. С. 4.

¹⁹ Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. М., 1986. С. 56–63.

²⁰ Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: Этапы духовного освобождения. М., 1988; Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX века. Саратов, 1990.

²¹ Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Самара, 1994.

²² См.: Попова Е.В. Жизненный путь и взгляды экономиста-аграрника Александра Ивановича Скворцова (1848–1913) // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2009.

²³ Кабытов П.С. П.А. Столыпин. Последний реформатор Российской империи. М., 2007.

²⁴ Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 1999.

*О.А. Сухова**

Трагедия России: кризис политической идентичности, или Судьба последнего реформатора Империи

В 2006–2007 гг. из-под пера известного российского историка Петра Серафимовича Кабытова одна за другой выходят две монографии, посвященные анализу жизнедеятельности П.А. Столыпина¹. На первый взгляд личность «последнего реформатора Российской империи» столь же притягательна, сколько и известна, ведь при всей неоднозначности оценок первые биографии П.А. Столыпина были опубликованы в самом начале XX века². Историографический анализ работ маститого ученого позволит нам не только разобраться в мотивации авторских предпочтений, но и ответить на вопрос о существовании и недостатках «государственной культуры», о причинах кризиса политической идентичности, что нередко выступало основным фактором деструкции государственного начала в российской истории.

В свое время В.О. Ключевский так охарактеризовал одно из условий цивилизационного выбора нашей страны: «В России развилась особая привычка к новым эрам в своей жизни, склонность начинать новую жизнь с восходом солнца, забывая, что вчерашний день потонул под неизбежной тенью. Этот предрассудок – все от недостатка исторического мышления, от пренебрежения к исторической закономерности»³. И на страницах монографии П.С. Кабытова П.А. Столыпин предстает одним из тех немногих государственных мужей в нашей истории, чья деятельность является свидетельством политической воли и реформистского начала и одновременно доказательством наличия у российской бюрократии особого иммунитета к новациям и переменам. Трагедия Столыпина-реформатора в этом отношении заключалась в том, что реально именно этот политик воплощал собой уникальную возможность, последний шанс на сохранение империи, однако самодержавие им не только не воспользовалось, но и постаралось избавиться от не в меру ретивого реформатора.

* © Сухова О.А., 2011